

О ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ДВУХ ГРУПП СЛОВ В БАЛКАНСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРАХ

1.0. И сегодня Балканы сохраняют прежнюю, существовавшую веками, «позицию и традицию моста и средоточия общения и взаимодействия множества этносов, цивилизаций и культур», а «со своей стороны этнокультурное бытие находит выражение в соответствующих естественных языках и в то же время осуществляется посредством этих языков. Известно, что язык является основной (в обобщенной форме) этнической характеристикой общественного сознания. В принципе, богатство отдельных (национальных) естественных языков обуславливается богатством и степенью этнокультурного развития соответствующих этносов» [4, с. 58].

2.0. Наши интересы в предлагаемом исследовании связаны с переносными значениями слов двух лексико-тематических групп, которые включают:

1) имена существительные, называющие пресмыкающихся (*змеи, ящерицы*) и насекомых (*муха*);

2) имена прилагательные, связанные с цветообозначениями (*зеленый, черный, красный*).

В работе анализируются соответствующие номинации в болгарском (БЯ), греческом (ГЯ) и румынском (РЯ), а в некоторых случаях и в сербском (СЯ) языках. Указанные языки отличаются своей типологической структурой, но народы, говорящие на этих языках, имеют много общего в историческом и культурном развитии как народы, населяющие более тысячи лет Балканский полуостров [2]. В качестве источников лексической информации используются: «Фразеологический словарь болгарского языка», «Румынско-болгарский фразеологический словарь», «Словарь болгарского языка» и «Греческо-болгарский словарь».

В определении методологии исследования мы основываемся на разделяемом нами утверждении, а именно: «По отношению к лингвистическому равнищу ... се смята за *балканизъм* и това явление, което е фиксирано само в един език, но в не по-малка степен попада под критерия балканистичност» [9, с. 70–71].

2.1.1. Классическая общеевропейская символика *змеи* – это ‘мудрость’. Но в отличие от древней европейской символика у балканских народов *змея* имеет свое доминирующее значение – ‘смертельная опасность для человека’ и отражает ‘отрицательное отношение к человеку хитрому, коварному или злому, злобному’ [10, с. 965]. Семантика буквально соотносится с гибким, бесшумным и быстрым передвижением всех видов змей, многие из которых обычно являются опасными для жизни человека. В БЯ *змея* в переносном значении – это ‘очень плохая женщина’, но *змея* употребляется и для номинации вообще ‘злого, опасного, гневного человека’. Ср.: образные диалектные выражения: *Набрал ми е като змия на опашката* – ‘очень разгневан, зло меня берет’; *Змии варя* – ‘очень разгневан, киплю от злости’

[8, с. 371]. В болгарском языке переносное употребление *змеи*, привело к формированию различных фразеологизмов, многие из них имеют свои параллели и в других балканских языках. Сравните следующие три типа фразеологизмов:

1) *змийско гнездо* (букв. змеиное гнездо) в качестве обозначения ‘скопища злых, опасных людей, разбойников’ [8, с. 371] // *Свивам змийско гнездо* – ‘создавать круг, группу злых, непочтенных людей, целью которых является пакостить’ [10, с. 964];

2) *змийско отроче* (букв. змеиный отрок, змеиное отродье) в качестве номинации ‘очень плохого, злого, коварного, подлого и вероломного человека’. В РЯ есть слово «змееныш» – *pui de sarpe* в том же значении [7, с. 507];

3) *змийски език* (букв. змеиный язык) для характеристики ‘человека с острым, язвительным способом выражения, со злым языком’. В БЯ – *Имам змия усойница в устата* в значении ‘иметь злой язык, говорить плохо о людях’ [10, с. 966].

Подобная семантика встречается в РЯ, напр.:

1) *A incalzi un sarpe la (in) sin* в значении ‘греть змею за пазухой’.

2) *A creste sarpele la (in) sin* в значении ‘пригреть, вырастить змею за пазухой’, т. е. ‘заботиться о человеке, не подозревая, что он плохой и может мне навредить’ [7, с. 356; с. 132].

Семантика слова *змея* обогащается в БЯ переносным употреблением ‘для выражения отрицательного отношения к хитрому, коварному, злому, злобному человеку’. Сравните, напр.:

1. *Да плюя на змия в устата, ще я отрова* // *Змия ми е плюла в устата* – ‘я очень зол’ [10, с. 966].

2. *Змия да ме ухапе, ще се отрови от мене* – ‘я очень зол’ [10, с. 966]. 3. *Змия (пепелянка) ми е плюла в устата* – ‘я очень зол’ [8, с. 371].

4. *На змиите в устата плюя* – ‘я очень зол’ [10, с. 631].

Подобное употребление имеет и переносное значение *змеи* в СЯ – сравн.: *Да змији окуси од мене, отровила би се – тако сам лутит* [5, с. 754]. В СЯ семантика слова *змея* шагнула в сторону большей обобщенности и послужила основой формирования нового значения – ‘несчастье, злоба, отравы’. В ГЯ *phidi* (змея) имеет два значения: ‘плохая женщина’ и ‘бессердечный мужчина’ [3, с. 539].

2.1.2. Продолжая исследование дальше в отношении пресмыкающихся, таких, как например, *ящерица* (болг. *гуцер*), мы обнаруживаем, что это существительное не развивает в балканских языках метафорического употребления при номинации человека. В БЯ формируются постоянные сравнения, как например: *препича се като гуцер на слънце, гъне се като гуцер, позеленявам като гуцер* [8, с. 148]. Лексема *ящерица* (*гуцер*) выступает компонентом фразеологических оборотов с семантикой ‘говорить злобно, зло’. Часто указанное значение усиливается с помощью прилагательного, обозначающего цвет – *зеленый*. Сравните напр.: В БЯ –

разг. *Бълвам зелени гущери; бълвам змии и гущери*; диал. – *Блювам гущери и жаби (чемери)*, обычно используется в отношении кого-либо в значении ‘быть в сильно раздраженном состоянии и говорить язвительно, с озлоблением и ненавистью о ком-либо или по какому-либо поводу’; *Бълвам (блювам) зелени гущери* – ‘извергать сильный гнев и говорить язвительные, острые слова в отношении кого-либо’ [10, с. 879] и *Бълвам отрова (зехир)* ‘очень сильно гневаться; зло меня берет’ [8, с. 107].

В ГЯ существует выражение, буквальный перевод которого ‘изрыгает яд ее язык’ в значении ‘сильно разгневаться’ [3, с. 568].

2.1.3. Лексема *муха* присутствует в древней метафорической модели, основанной на отождествлении мухи с *душой*. «Според славянската народна терминология *муха* е родово понятие по отношение на *стършел*, *пчела*, *оса*, *бръмбар* и другите насекоми. ...Този факт е разпространен и извън славянския ареал (възможно под славянско влияние)» [9, с. 169]. В балканских языках лексема *муха* участвует в создании метафорических выражений, в основном для передачи приблизительно следующей семантики:

1) ‘беспокойство, раздражение, каприз’, например: В БЯ – *Има муха в главата*, и подобные выражения в СЯ – *Имети некаквих мухе по глави*; в РЯ – *A fi cu a / avea sticleți in cap*, буквально ‘иметь щеглы в голове’ [9, с. 169].

2) ‘глупость, несерьезность, легкомыслие’, например: В БЯ – *Главата ми е пълна с мухи (бръмбари)* [8, с. 208]; в ГЯ метафорическое выражение буквально переводится как ‘иметь в голове букашек’ [6, с. 77].

3) ‘лицемерие или хитрость’, например, В БЯ – *Пускам / Вкарвам муха (мухи) / бръмбар (бръмбари) в главата на някого* в значении ‘внушать кому-либо какую-либо неприятную, надоедливую мысль’; В СЯ – *Турити некоме бубу у главу*. Некоторые метафоры, такие как: *Хани го мухата* (букв. кусает его муха), в значении ‘неспокойный, нервный, раздражительный’ являются типичным фактом для балканских языков, они встречаются во всех исследуемых нами языках.

2.2. 1. *Зеленый* цвет – это цвет травы и листьев на деревьях, это один из цветов солнечного спектра, где он занимает положение между желтым и голубым. В БЯ известно выражение: *Трай (живей), коньо, за зелена трева*, употребляющееся в качестве ‘ответа, когда кому-либо советуют вытерпеть, пережить какое-либо тяжелое, трудное испытание, живя с надеждой на лучшие дни, а он не верит или уже нет сил ждать’ [10, с. 881]. В переносном употреблении этимология прилагательного *зеленый* связана с желто-зеленой горькой жидкостью, которая выделяется печенью. Образ горечи ядовитой жидкости – желчи – порождает метафору *позеленения човек* – позеленевшего человека, который испытывает сильный гнев, зависть, злобу. Сравните, напр.: В БЯ – *Позеленявам // позеленявам като гущер* (букв. позеленеть как ящерица) – ‘сильно гневаться, зло меня берет’ [10, с. 465].

В целом, *зеленый* в переносном употреблении приобретает семантику ‘сильной зависти, ненависти, гнева или другого отрицательного чувства’.

Метафора функционирует и в ГЯ в значении ‘заставлять кого-либо позеленеть от гнева или стыда’, но отсутствует в румынском языке. Соответствием болгарского фразеологизированного выражения *Млад и зелен* – ‘кто-либо молод, и поэтому неопытен’ [10, с. 878] в румынском является *Е cu casul la gura* [11, с. 251]. В БЕ употребляются фразеологизмы: 1) *Ставам син-зелен*, т. е. ‘охватывает меня гнев, злоба, страх и др.’ и 2) *Позеленявам от яд* ‘зеленеть от злобы’ [8, с. 340]. В БЯ сформировались еще два фразеологизма с компонентом *зеленый*, в отношении *икры* (болг. *хайвер*) и *тыквы* (болг. *тыква*). Сравните, напр.: *Пращам / пратя (изпращам / изпраця) за зелен хайвер някого* (букв. отправлять / отправить кого-либо за зеленой икрой) в значении ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’ [10, с. 881] и *Тиквата (кратуната) ми е зелена* (букв. тыква (башка) моя зеленая) в значении ‘глупый’ [10, с. 881].

2.2.2. В соответствии с символикой цвета *красный* (болг. *червен*) является цветом сложного характера. Он выражает любовь и надежду в жизни, но в то же время – это цвет огня, отнимающего жизнь, т. е. *красный* в различных ситуациях может оказаться и на стороне жизни (добра), и на стороне смерти (зла). Кроме того, *красный* – это символ гнева, а также и стыда. Сравните, напр.: В БЯ – *Почервения от яд / гняв, Почервения от срам / от неудобство* (букв. краснеть от злобы / гнева, от стыда / неудобства); В РЯ – *A i se face cuiva rosu inaintea fchilor* буквально ‘покраснело у меня перед глазами’, ‘охватывает меня сильный гнев’ [7, с. 327] и *A se rosi ca racul* буквально ‘покраснеть до корней своих волос’, ‘мне очень стыдно’ [11, с. 324].

2.2.3. В балканских языках мучение и гнев связываются, чаще всего, с *черным* цветом. Так, в БЯ фразеологические обороты: *Стана ми черно пред очите // причерня ми* (букв. почернело у меня перед глазами) в значении ‘зло берет; озверел; рассвирепел’, имеют параллель в РЯ: *A I se fase cuiva negru inaintea ochilor*, буквально ‘чернеет перед глазами’ или ‘охватывает меня сильный гнев, не владею собой’ [7, с. 326].

3.0. Итак, проведенный анализ языкового материала показывает, что в четырех исследуемых балканских языках символика выделенных групп существительных и прилагательных является достаточно развитой. На языковом уровне она демонстрирует определенное усиление тенденции в БЯ, СЯ и РЯ в направлении переосмысления метафор и устойчивых сравнений во фразеологизмы. В то время, как в ГЯ преобладает переносное употребление или выражение, а не фразеологизация.

По мнению Т. Цивьян, «по всеки от балканизмите може да се образуват езикови съобщества, излизаци извън пределите на Балканите, но извън Балканите няма език, който да притежава целия необходим минимум балканизми и да носи в себе си този енергиен заряд, който да позволява да се съди за неговото минало и настояще и в някаква степен да прогнозира бъдещето» [13, с. 67].

Литература

1. Алмалех М. Цветовете в балканския фолклор. София, 1997.
2. Барт Р. Въображението на знака. София, 1991.
3. Гръцко Гбр. Български речник. София, 1954.
4. Дянков Б. За релевантен семиотичен подход към проблема «Номо balkanicus»: знаковост и културна идентичност. В: «Номо balkanicus» Знаковости културна идентичност. София, 1994.
5. Икономов Н. Балканска народна мъдрост. София, 1968.

6. Илков К., Марицас Д., Михайлов А.п., Петкидис Д. Българско–гръцки речник. София, 1991.
7. Калдиева-Захариева С. Румънско-български фразеологичен речник. София, 1997.
8. Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова К.р. Фразеологичен речник на българския език. София, 1974, т.1, т.2.
9. Петрова А. Езиковата метофора и балканската картина на света. Велико Търново, 2003.
10. Речник на българския език. София, 1987.
11. Русско-румынский словарь. М., 1967.
12. Цивьян Т. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.